

Валерий ШАРАПОВ

**Роскошная
изнанка**

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Шарапов, Валерий Георгиевич.

Ш25 Роскошная изнанка / Валерий Шарапов. —
Москва : Эксмо, 2026. — 352 с. — (Советская
милиция. Эпоха порядка).

ISBN 978-5-04-226021-6

Начало восьмидесятых. В отделение милиции обратилась женщина, приехавшая из провинции в Москву в гости к сестре Маргарите. Но той не оказалось дома. Не появилась она и в последующие несколько дней. Выехавшая на адрес опергруппа вскрыла квартиру, но ничего криминального не обнаружила. Разве что непарную дорогую туфлю. И это при скромной зарплате библиотечарши... Сыщики опрашивают соседей и свидетелей и вскоре выясняют, что внешне добропорядочная Маргарита вела настолько необычный образ жизни, что вполне могла стать чьей-то жертвой...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-226021-6

© Шарапов В., 2023
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ГЛАВА 1

Вторая половина буднего дня, но на трамвайном кругу у Белорусского вокзала толпится куча народу. Транспорт задерживается. Но вот наконец подлетел трамвай номер «пять», хлопая разболтанными дверями. Из него вывалились почти все пассажиры, и лишь один из них — паренек в ковбойке и замавленной тужурке — остался. Он спал, сидя на сиденье. Вагоновожатая, увидев его в зеркале, самолично паренька растолкала:

— Молодой человек, просыпайтесь. Конечная.

Тот встрепенулся, открыл сине-красные глазки, дыхнул перегаром, но тут же деликатно прикрылся ладошкой:

— А? Эта... схожу, да. Спасибочки.

Он вышел из вагона, ошалело огляделся, повернулся и возмутился:

— Это чего, опять?!

Вагоновожатая хихикнула:

— И опять, и снова.

— Белорусский вокзал?!

Вожатая посоветовала:

— Пить надо меньше. А то так и будешь кругами кататься, — после чего с лязгом захлопнула двери и умчалась.

Паренек попереживал, но быстро утешился, заметив воспаленными глазами единственно нужную ему в настоящий момент желтую цистерну с раком на борту. Уже знакомая ему продавщица встретила паренька как родного:

— Что, снова проехал?

— А они кругами ходят, — пояснил клиент и, купив кружку, припал к ней. Осушив кружку пива, он икнул, поблагодарил, протянув пустую посуду, попросил в нее же налить водички.

— Водичка водопроводная, — заботливо предупредила продавщица, — не пронесет с непривычки?

— Не-а.

— Тогда сколько угодно, для доброго человека воды не жалко. Только вот что: во-он тот кирпичик мне под прицеп подложи.

Паренек пошел за стройматериалом. Народ, толпящийся у цистерны и только подтягивающийся к ней, заволновался. Какой-то склочник заявил, что как-то шибко быстро заканчивается пиво. Продавщица отбрила:

— Так неразбавленное! И активно потребляете.

Народ почему-то начал ругаться на паренька, точно активно потреблял он один. Желчного вида интеллигент, в очках, с «Роман-газетой» под мышкой, кротко, но весьма отчетливо вякал о понаехавших в резиновую столицу.

Паренек не обращал внимания на несправедливую критику, он трудился на общее благо. Кирпичик подложен, бочка накренилась в сторону крана, пивной источник забил вновь. А помощнику по его просьбе налили воды до краев.

Отойдя в сторонку, парень по чуть-чуть, бережно наливал воду в ладонь, как в ковшик, ополаскивал осунувшуюся физиономию, пальцами промокал сперва один глаз, потом второй, а остаток с удовольствием вылил на голову, сперва взлохматил вихры, потом пригладил. Опустевшую кружку с поклоном вернул хозяйке.

Та по-матерински укорила:

— Миленький, получка — святое дело, но и до дома довести надо что-то.

— Довезу, — торжественно пообещал юнец-забудыга, — в этот раз точно.

И влез в «пятый» трамвай вместе со всеми, отвоевал кусок поручня, вцепился в него.

Трамвай, дребезжа, помчался по маршруту, на каждой остановке все больше и больше заполняясь пассажирами. Много было желающих проехать именно на «пятерке», поскольку

ку маршрут длинный, удобный, а контролеров на нем почти никогда не бывает.

По причине большого количества пассажиров в вагоне было душно. И эта поездка не задалась с самого начала: какой-то желчной гражданке отдавили ногу, она устроила скандал на Лесной, сошла почти тотчас на Палихе, а пассажиры продолжали переругиваться. Уши вяли, хотелось поскорей доехать до нужного места. Однако процесс доставки трудящихся к дому отличался регулярностью и цикличностью — как только сходили одни, тотчас в трамвай набивались другие, и склока вновь начиналась, передаваясь, как зараза, по цепочке.

Паренек (опытный путешественник) уже не пытался занять сидячее место, хотя очень этого хотелось. Он порядком утомился, к тому же было душно, а от того, что трамвай подпрыгивал на рельсах, сильно укачивало. Так что как только миновали ВДНХ и стало немного посвободнее, парень все-таки сел на сиденье, горячее от ерзанья предыдущих многочисленных тылов.

Счастье было кратким. Как только он на мгновение смежил веки, сварливый, порядком прокуренный голосок потребовал:

— Мальчик, а мальчик! Уступи место будущей матери!

Трамвай битком набит, и многие сидели, но почему-то весь вагон понял, к кому обращаются. На трамвайной «камчатке», где находилась

развеселая компания, возвращаясь с ночной смены, заржали.

Паренек поднялся, на его место плюхнулась разбитная девица, нарядная, губы подкрашены. Никаких признаков интересного положения у нее не наблюдалось. Угрюмый работяга, который устроился на соседнем сиденье, у окна, откровенно наплевав на женщин, детей и стариков, приоткрыл глаз и проворчал:

— И че прыгать? От тебя, штоль, чижелая? Да и врет ведь небось.

— Нет, не от меня, — признался парень и добавил как бы в раздумьях: — Так кто ее знает? Может, месяц беременная, а может, час.

«Камчатка» снова грохнула и вернулась к прерванному занятию, переливая жидкость из фанфуриков в глотки. «Беременная» высокомерно осведомилась:

— Умный какой. Лимита¹ небось?

Паренек, обалдев от такой наглости, не нашелся, что сказать в ответ. Нахалка, приняв это за свою победу, фыркнула:

— И без подзорной трубы видать, — и хотела еще что-то добавить, вряд ли приятное. Однако работяга — любитель правды приструнил:

¹ Л и м и т á — лимитчики; человек, получивший лимитную прописку в связи с потребностью предприятий в работниках определенных профессий; вообще кто-либо приезжий, не имеющий прописки и ограниченный в средствах.

— Задницу дали уместить — вот и захопнись, — и, подумав, добавил несколько нецензурных слов.

Девушка возмущенно замолчала, хмыкнула и отвернулась. Непрошенный заступник позвал:

— Слышь, остряк, садись.

— Да куда мне, — начал было паренек, но работа не давала ему пошевелиться:

— А я говорю — садь. Все равно выхожу.

И, чтобы никто из желающих не успел втиснуться на вакантное место, дернул парня за рукав тужурки, выдернул из толчеи, как репку, усадил на свое место. Трамвай дернулся, паренек неловко проехался кормой по желчному пассажиру — тому самому, с «Роман-газетой». Тот крикнул, глянул вверх дымчатых стеклышек, но на этот раз ничего не выкрикнул. Или побоялся, или просто смирился. Его многие пихали, поскольку он сидел в аккурат около выхода, где толчея неимоверная.

Динамик гундосо пробубнил:

— Платформа «Северянин». Не держите двери.

Снова набилось народу, как в бочку селедок.

Паренек пытался задремать. Однако наглая «беременная» вышла, чтобы после своей «смены» упылить к себе в Мытищи, а на ее место плюхнулась такая толстенная гражданка, что соседка вжалась в стенку, глаза полезли на лоб и сами по себе распахнулись.

Вытарщенные, они рыскали вокруг и сами собой уставились на пригожую черноглазую девицу в ситцевом платье, в платочке и с косой. Сплющенная в неудобной позе, она застряла между полом и потолком, обеими руками цепляясь за свой баул. Девуцу надо было немедленно спасти, но паренек понимал, что если он сейчас встанет, то толстуха немедленно наплывет на его место, у окна, а кто-то из стоящих немедленно плюхнет на освободившийся край сиденья. Поэтому, рассчитав высоту подъема зада, чтобы не считалось за потерю места, ухватил и дернул девуцу за ситчик:

— Гражданочка, можно вас?

Та нервно вякнула:

— Не замай!

Паренек намерения усадить ее не оставил, ухватил, за что получилось, и подтащил к себе. Девушка была пухленькая, но прорезала толпу пассажиров не хуже носа ледокола. Ловкий юный пассажир сделал то, что никакому Цезарю в московском трамвае не удалось бы: одновременно поднялся, подтянул и усадил на свое освободившееся место девуцу.

Она лопотала что-то в благодарность и все пыталась пристроить на коленки баул. Еще одна ее сумочка, поменьше, застряла где-то на полпути, среди народа, но была выужена и пристроена на коленки. Граждане, потревоженные спасательной операцией, ругались. Гражданин с «Ро-

ман-газетой», которому снова досталось багажом по морде, скрежетал зубными протезами.

Скромный паренек скрылся в толпе, точно луна в туче.

Приближалась конечная. До нее были остановки «Поликлиника» (с уточнением «Женская консультация») и «Кирпичный завод», так что сошло порядочно народу обоего полу. Вагон внезапно опустел. Осталось с пяток персон, интеллигент с «Роман-газетой» и черненькая в ситчике.

Динамик прокашлял:

— «Полярная, тридцать один». Конечная.

Трамвай шикарным виражом развернулся на кругу, встал и распахнул двери.

Паренек, который на этот раз не спал, поспешил к выходу. Вроде бы спешил он и все-таки, оказавшись на тротуаре, не побежал по своим делам, а стоял, как бы ожидая чего-то. Черненькая девица, приняв это на свой счет, вздернула нос и демонстративно поплыла к другим дверям.

— Товарищи, побыстрее покидаем салон! — устало поторопила вагоновожатая.

Гражданин же с «Роман-газетой», собираясь выходить, ехидно спросил:

— Меня ждете, молодой человек?

Юный пропойца, который по-прежнему стоял на месте, переминаясь с ноги на ногу, пробормотал что-то невнятное, и тогда гражданин в шутку, но с важным видом протянул ему руку.

А паренек принял ее со всей почтительностью. Однако потом перехватил за запястье, стащил пассажира с лестницы и заломил ему руку за спину. От неожиданности гражданин вдруг закричал басом. Нахал, еще круче подкрутив конечность, свистнул попугчикам, которые стояли и ничего не понимали:

— Граждане, будьте свидетелями.

— А чего? — спросил один.

— Это карманник.

— О как, — сказал другой и похлопал себя по груди, третий тоже проверил, все ли на месте.

Паренек позвал и черненькую, которая тоже стояла, хлопая глазами:

— Гражданочка, не стесняйтесь, идите к нам поближе.

Она спросила с глупой опаской:

— К вам — это куда? Зачем еще?

— Затем. Насчет баула не знаю, а сумчонку свою проверьте, да уж и часики заодно.

Девушка глянула на пустое запястье, взвизгнула. Осмотрев маленькую сумочку, опять взвизгнула. Гражданин уже молча, но отчаянно вырывался. Вагоновожатая, выглянув из кабины, спросила:

— Граждане, что за кавардак?

— Все в порядке, — успокоил ее паренек, — а между прочим, в какой стороне у вас сто пятое отделение?

Вагоновожатая, смерив его взглядом, почему-то осталась довольна результатами осмотра и махнула рукой:

— Туда ступайте. Между башнями тропинка, и в середине квартала будет отделение.

Трамвай, дребезжа металлическими внутренностями, уехал.

Паренек, удерживая гражданина в неудобной для того позе, умудрился галантно отобрать у девицы ее баул и закинуть себе на плечо.

Двинулись. Гражданка налегке то и дело забегала вперед, чуть не прыгая козой, радуясь:

— Надо же, сто пятое!

Парень вежливо поинтересовался:

— С чего восторги? Старое знакомое?

— Мне ж туда, туда ж надо же! — куковала она. — Пойдемте, пойдемте, а то вдруг закроются.

ГЛАВА 2

Всем кагалом они завалились в отделение. Дежурный, подняв голову, глянул из-за своей конторки, спросил, что гражданам требуется. Паренек скинул баул с плеча, как пропуск «предъявил» присмирившего гражданина, чуть подтолкнув вперед.

— Ваш пассажир?

Дежурный пригляделся, подтвердил:

— Наш. А ты кто такой?

Паренек представился:

— Сержант Денискин, Талдомский район.

— Принято, — кивнул дежурный и спросил уже у задержанного: — Неужели с поличным вас взяли, Аркадий Иванович?

Денискин ответил за него:

— У него полны карманы чужого добра. Кошелек и часы этой вот гражданки, — он указал на девицу, — точно есть.

Упомянутая гражданка, зачем-то распялив пальцами порез на сумке, сказала:

— Во.

Сержант пояснил:

— Он с самого Белорусского вокзала щипал по-стахановски. Два рейса с перерывами.

— Ты, сучонок, на спине висел. Ловко, — похвалил гражданин, оказавшийся негодяем. И выругался.

Дежурный, что-то записывая, отметил:

— Так, ну за ругань мелкую хулиганку уже имеете, а там и разберемся. Граждане! Всех попрошу в приемную.

Прошли, куда было указано. Вскоре появились еще двое деловитых товарища, взяв по стулу, уселись к стеночке. Еще чуть погодя подоспел довольно тучный человек в обычном костюме, невысокий, лет сорока, с профессорскими залысинами, с усталыми добрыми глазами. Похож то ли на какого-то популярного актера, то ли на доброго доктора. Сходство усилилось, когда он заботливо спросил у задержанного:

— Как поживали вы все это время, Аркадий Иванович?

Тот с достоинством отозвался:

— Благодарю, вполне, вполне. Мое почтение Юрию Васильевичу.

Юрий Васильевич представился тем, кто его не знал:

— Капитан Яковлев. Вы, молодой человек, можете его уже отпустить.

— Слушаюсь. — Денискин, освободив запястье Аркадия Ивановича (тот немедленно начал потирать его и морщиться), вынул из внутреннего кармана удостоверение.

— А, так вы и есть Денискин от Подшивалова.

— Так точно. Командирован к вам на две недели.

— Как же, помню. Что, решили сразу приступить, не отмечаясь о прибытии?

— Неловко было в гости с пустыми руками.

— Похвально. Что ж, граждане, приступим.

После всех превентивных формальностей принялись разгружать карманы уважаемого Аркадия Ивановича. Помимо «Роман-газеты» и нескольких мелочей, в них имели место: часы карманные «Тиссо», наручные «Полет», женские «Чайка» с красивыми керамическими вставками, ручка импортная «Паркер», простой потертый бумажник, непростое кожаное портмоне с тисненой надписью «Sigulda», единый проездной билет на текущий месяц...

— Пока все понятно, но к чему проездной? — спросил Яковлев.

— Надо, — высокомерно пояснил Аркадий Иванович, но все-таки снизошел и признался: — По ошибке взял. Твердая обложка, кожаная, не понял на ощупь, что такое.

Разгрузка продолжалась. Черненькая, которая до того радовалась своим часам, увидев кошелек, зашла от восторга и чуть не захлопала в ладошки:

— Кошелечек мой, мой!

Капитан, пододвинув к себе этот вязаный мешочек, расшитый блестящими бусинами, строго спросил:

— Точно ли ваш?

— Мой!

— Проверим. Сколько денег у вас там было?

Девчонка с готовностью, как на уроке, отработовала:

— Тридцать пять рублей пятьдесят две копейки!

— Уверены?

— Да! Две красненькие, четвертак, две монетки по двадцать копеек...

Денискин, кашлянув, подтвердил:

— Гражданкин кошелек, товарищ капитан. Я сам видел.

Аркадий Иванович брезгливо бросил:

— Видел он, свидетель собачий. Ничего, выдаст вам прокурор по шапке.

— Вы за нас-то не беспокойтесь, — утешил Яковлев, — управимся.

Еще где-то с полчаса оформляли, осматривали, изымали, записывали, потом свидетели и понятые разошлись. Далее гражданин карманник отправился в камеру до прибытия конвойных.

Капитан Яковлев вернулся к дежурному, распорядился проверить сводки по отделениям, чьи земли идут вдоль маршрута «пятерки».

Денискин с потерпевшей остались в приемной. Сидели чинно, он — у одной стенки, гражданка — у другой. Сержант, получив возможность рассмотреть ее как следует, окончательно убедился, что первое впечатление не обмануло. Девчонка в самый раз: невысокая, крепко сбитая, немосковская, темная коса вокруг головы, кожа тоже не городская, белая с румянцем, глаза черные, круглые, чуть навывкате, смышленные, хоть и беспокойные. Учитывая обстановку — ничего удивительного.

Денискин обдумывал, как бы начать разговор, чтобы не показаться хамом и дураком, но вернулся капитан Яковлев. Он пожал руку, похлопал по плечу и официально поблагодарил за отличную службу.

— Рад стараться!

Капитан вежливо восхитился:

— То есть это вы еще и не старались? Хотя конечно. Мы вас на две недели выписали, а вы в первый же день управились.

— Повезло, — изображая смущение, заявил Денискин, примечая, что девчонка прислушивается так, что чуть ушами не прыгает.

Яковлев, как по заказу, продолжал расхваливать:

— Не скажите, просто так никогда не везет. Значит, проработали легенду, вжились. Аркадий

Иванович не заметил слежки, а ведь опытный ворюга.

Пришла пора закруглять обмен любезностями, капитан протянул руку за бумагами, чтобы отметить командировку да выпроводить с миром. Однако позабытая потерпевшая вклинилась в разговор:

— Товарищи, я очень извиняюсь, товарищи.

Капитан спросил:

— Да, гражданка Джумайло? Деньги — вещи получили, заявление написали. Еще что-то?

Названная гражданка Джумайло, Наталья Кузьминична, восемнадцать лет, место прописки: Ставропольский край, город Георгиевск, улица Красных Партизан и прочая-прочая, выпалила:

— А вот еще.

— Излагайте.

— Еще заявление надо подать.

— О чем?

— Моя сестра у вас пропала.

— Где это — у нас? Поточнее, пожалуйста.

— Она к вам переехала и пропала.

— Рассказывайте все по порядку, а то пока непонятно.

Денискин снова сел на стул, справедливо полагая, что раз не приказали выметаться, то можно и посидеть. Тем более что интересно послушать, что стряслось, вот только спать ужас как хотелось. Он зевнул с закрытым ртом, товарищ Джумайло немедленно проворчала:

— И чего рожу корчить? Ничего ж смешного.

— Я не нарочно. Устал, — покаялся Денискин.

Яковлев распорядился:

— Не отвлекайтесь, гражданка. Слушаю.

Наталья Кузьминична принялась излагать свою беду. Оказывается, что она специально прибыла в Москву, взяв за свой счет две недели отпуска, искать старшую сестру. Та вот уже три года как жила в столице, трудилась сначала на стройке, потом «вроде бы» трудилась в Светловской библиотеке, что на Большой Садовой.

— То есть как это «вроде бы»? Что это означает? — спросил капитан.

Наталья объяснила:

— Потому что я была сегодня там, у заведующей. Говорят: будем увольнять за прогул.

— Неужели прогуливает?

— Не появляется на службе уже две недели.

Товарищ Джумайло смолкла, то ли не зная, что дальше говорить, то ли собираясь со скудными мыслями. Капитан позвал:

— Наталья Кузьминична.

Та очнулась.

— Да я просто пытаюсь ничего не пропустить, — заявила она, потом полезла в маленькую сумку, пошарив, достала какую-то открытку. — Вот открытка пришла, я ей ко дню рождения отправляла.

— А когда у нее день рождения? — спросил капитан, рассматривая кусочек картона, на котором были изображены веселые заяц с белкой и проставлен штамп о возвращении открытки за истечением срока хранения.

— Двенадцатого марта. А вот потом еще и телеграмму отбила, — Наталья достала и показала квитанцию, — и тоже не вручили.

— Большая Грузинская, тринадцать, дробь два.

— Да, это ее адрес был.

— И вы там побывали?

— Побывала, знамо дело. Иначе как бы я сюда попала? Соседка и сказала, что нету Маргариты, давно переехала куда-то в Медведково. Я наведальась к участковому, тот сначала ни в какую, но когда расплакалась, дал адрес: проезд Шокальского, дом двадцать три, квартира восемь.

— Хорошо. И там вы были?

— Я как раз и ехала, а вот к вам попала.

— Тогда надо сходить. — Яковлев глянул на часы. — Только мне необходимо присутствовать тут. Ну ничего, сейчас отыщем вам участкового. То есть попробуем.

Дежурный на вопрос о том, где Заверин, сообщил:

— На поквартирном обходе.

— На поквартирном? — уточнил Яковлев, шелкнув себя по горлу.

— Обходе, — подтвердил дежурный.